Бертольд Брехт

Воспоминание о Марии А.

1.

Погожим днём, в сентябрьский тёплый вечер
Я ждал её под сливой молодой,
Покорна и светла, в мои ладони
Легла любовь, и сон свершился мой.
Лазурь над нами. Вдруг в вечернем свете
Зависло облако во глубине небес,
Оно белело ясно в синей выси,
Я взгляд отвёл - его и след исчез.

2.

С тех пор уплыло, минуло, пропало
Так много лет, и месяцев, и дней,
Что слива та жива ещё едва ли.
- Ну а любовь? – Что спрашивать о ней!
Увы, вернуть те чувства я не в силах,
И мой ответ мне самому не люб:
Её лица, пожалуй, мне не вспомнить,
Но помню я касанье наших губ.

3.

Тот поцелуй, те губы – всё б забылось,
Когда б не облака прекрасного полёт,
Так белизной оно тогда светилось,
Что этот свет с тех пор во мне живёт.

В цвету, как прежде, сливы. Может, ныне

У той подружки семеро ребят.

А облако цвело всего мгновенье,

И унеслось, когда я поднял взгляд.

Примечание к переводу:

К сожалению, при переводе пришлось пожертвовать луной (*im blauen Mond September*) ради ясности визуального образа белого облака. Жителю наших северных широт трудно представить себе идеальную белизну (*sie wahr sehr weiss*) на контрастном синем/голубом фоне неба даже при вечернем закате, когда луна может находиться на небе одновременно с солнцем. Тогда бы облака подсвечивались розовым/оранжевым/красным. А уж тем более невозможна такая белизна облака при лунном свете, когда цвета приглушены и небосклон темнеет.

Посему пришлось перенести время любовного свидания лирического героя стихотворения на вечер, ещё достаточно светлый летом. Соответственно, упоминание далее о минувших месяцах/лунах (*viele, viele Monde)* приобрело в переводе только календарное значение.